

Илья Бухарин

**В ПЕТЛЕ
ИЗ КОЛЕЦ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Обложка *Татьяны Лаговской*

Бухарин, Илья Сергеевич.

Б94 В петле из колец / Илья Бухарин. — Москва : Бухарин И., 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-600-04464-7

Америка, 1930-е годы. Сухой закон.

Один из главных авторитетов города впервые теряет контроль над происходящим на его территории — у его босса выкрали важные документы.

Кто же мог осмелиться на кражу, зная, что за такое грозит неминуемая мучительная смерть?

Или это просто отвлекающий маневр?

Но для чьей шеи тогда на самом деле готовится петля?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-04464-7

© Илья Бухарин, текст, 2025
© Татьяна Лаговская, иллюстрация на обложке, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Эрни	4
Маленький Олимп	40
Пристанище падших	66
Дом Дракона	79
Началось	93
Чиркаш	104
Отложенная казнь	120
Вера	127
Блестящая и непредсказуемый	134
Не... добрый самаритянин	160
Новый спутник	175
Несостоявшаяся дуэль	192
Обратный отсчет	203
Новый расклад	213
Находка	234
Опасное сближение	255
На обломках	285
За старое и доброе	302
Невесомость	317
На темной стороне	335

ЭРНИ

20 июля 1969 года. Район Оук Виндз, Чикаго, штат Иллинойс.

Этот день неплохо поиздевался над жителями престижного района, которые его выбирали и сражались даже за скромные участки. Лишь бы оказаться тут. Стремилась сюда по двум причинам: первая — отсутствие знаменитых чикагских ветров, вторая — уединенность и изолированность каждого отдельного жителя от остального мира.

Говоря про первую причину, стоит отметить, что ветра в Чикаго настолько отвратны, что о них было известно во всех остальных штатах. Знамениты они стали тем, что в этом городе ветра никогда не дули — они пробивали насквозь, сносили, выбивали из колеи, доводили до истерики, но никогда не дули.

Ничто не могло повлиять на них. Зимой чикагские ветра вели себя как начинающие гангстеры, без явных причин били в голову каждому, выходящему из дома. Предвестники поганого дня и пророки твоих жалоб. Договориться с этими гангстерами было невозможно. Сколько бы ты ни тратил на защиту от вездесущих поганцев, они всегда находили твой расслабленный зад и, начав с легкого дуновения как предвестника неладного, пробивали насквозь при первой же возможности. Едешь в машине? Попробуй выйти или открыть окно. Сидишь дома? Ты не сможешь прятаться там вечно, а они как раз вечно могут тебя ждать. За каждым углом поджидал

очередной сквозной бандит, который если не с ног, то с мыслей сбивал однозначно.

Вот ты, словно натянутая струна, готов добраться до работы и просто вывалить все свое возмущение на природные явления коллегам, но за обсуждение погоды Чикаго готовил тебя к бомбардировке. После первого удара давалась пара секунд, чтобы среагировать и начать возмущаться внутри. Но только ты начинаешь внутренний диалог, тут же прилетает второй удар, потом третий, потом... О боже! Блаженная пауза. Можно сделать еще пару шагов, радуясь затишью. А вот и нет. Это просто перезаряжали, чтобы ты получил следующие удары.

И ты уже идешь, глядя под ноги и бормоча что-то невнятное на собственном дебильном диалекте, понятном лишь тебе и паре оккультистов, которые слушают пластинки задом наперед, ожидая услышать послание от дьявола или обращение от бога. Незаметно для себя ты начинаешь походить на городского сумасшедшего. А главное, глядя перед собой и сдобривая свое движение бормотанием сомнительного содержания, ты не замечаешь, что вокрут таких много.

Диалоги о погоде в Чикаго были похожи на трагическую оперу, где каждый участник с легким фальцетом выходил на сцену и начинал свой рассказ с трагической концовкой. Общее у всех погодных арий было лишь одно — устремленный в будущее слегка влажный взгляд, преисполненный надежды, что вскоре тепло принесет избавление от мук. Но тепло в Чикаго не только не приносило долгожданного избавления — оно переводило всех страдальцев из статуса жертв в статус официальных потерпевших.

Летом ветра пронизывали всех в области живота. Набравшись опыта и заработав репутацию, они меняли стратегию и превращались из явных агрессоров в римских императоров с неизменным принципом «разделяй и властвуй». Колкие порывы в жаркий день моментально убивали настрой и, сковывая радость внутри, разрывали

ее в ключья, оставляя пустоту. Только вместо зимней саможалости на этот раз внутри оставалась беспричинная раздраженность.

Говорят, что в Чикаго люди никогда не слышат собственного дыхания. Это не только из-за постоянного ветра, который просачивается через мельчайшие трещины прямо в сознание, а еще и из-за неостановимых мыслей. Бездомных, бесконечных и бесполезных. Когда ты находишься в пустоте размышлений, тобой постепенно начинают руководить четыре всадника эмоционального апокалипсиса. Только в твоём случае это inferнальная колесница. Тянут эту эмоциональную повозку три лошадиные силы: раздражение отвечает за молниеносно-провальные решения, стремление к одиночеству ведёт тебя за ручку на станцию «Социопатия», ненасытность заполняет пустоту, но, как правило, не так, ведя тебя обратно к раздражению. Управляет этим умственным бесстыдством твой «партнер», которому ты отписал контрольный пакет своих эмоций с возможностью добрать до ста процентов. Только этот «партнер» работает на другую «компанию» и послан разрушить твою через необдуманные решения, связи не с теми людьми и бесконечную жадность.

Оук Виндз, кроме защиты от беспощадности чикагских ветров, предоставлял лекарство, которое необходимо прописывать по рецепту. Но многие его принимают бездумно и впадают в новую фазу страданий. Оук Виндз предоставлял почти полную изоляцию. Вековые дубы толщиной по метру и высаженные крайне плотно, позволяли сформировать ветряную и социальную завесу, превращая небольшой район Чикаго в укрепленный форт, населенный маленькими государствами, отделенными друг от друга стенами из деревьев. Если по району ходили слухи, то распространяли их только дубы, которые превращали всеразрушающий ветер в легкое дуновение, переносящее разговоры птиц и грызунов, плетущих заговоры в своем маленьком королевстве.

Главные преимущества этого района известны всему Чикаго — изолированность каждого дома и защита от любопытных глаз. Причем без разницы чьих: соседских или случайных посетителей района, захавших посмотреть, не туда свернувших или «заблудившихся» с непредсказуемыми, но вполне меркантильными мыслями.

Чтобы добраться до чьего-то дома в Оук Виндз, необходимо было четко знать, куда едешь. Заплутавших здесь не очень любили, о чем многократно сообщалось на въезде в район. Не многие использовали имена или фамилии, в основном — инициалы и порядковый номер дома на общей схеме, расположенной при въезде на территорию, чтобы пожарным было легче найти... пылающий лес. А вот из предупреждающих надписей на этих табличках можно было устроить целую выставку изобразительно-настораживающего искусства. Каждый владелец вкладывал свой смысл в указатель к дому. Кто-то был скуп на слова, но щедр на красную краску, которой было написано: «Частная территория. Есть оружие». Некоторые использовали юмор, указывая: «Счетчик выживших посторонних: 0». Кто-то перечислял количество, наименование и калибр оружия, находящегося в доме.

Однако надпись на одном из самодельных знаков была если не странной, то вызывающей вопросы. «Включи дворники, подъезжая к воротам, и моргни фарами один раз». Судя по виду надписи, число часто стирали и рисовали новое. По свежим следам земли и легкой неровности в установке знака было видно, что его часто вынимали и вставляли заново.

При взгляде на эту табличку внутри начинала бурлить смесь из духа авантюризма и приключений, приправленная мыслями, что это сделал параноик, который проверяет, может ли въезжающий читать и не ищут ли конкретно его.

Конечно, параноиков в Оук Виндз было достаточно. Но применяемые меры безопасности, иногда кажущиеся излишними, здесь

зачастую являлись необходимыми. Такой объем агрессии на табличках, подкрепленный двузначным количеством единиц огнестрельного оружия на душу населения, появился неспроста.

Все началось еще в конце 1930-х, когда в районе только стали появляться первые домовладельцы. С каждым новым жильцом становилось все больше «заблудившихся» посетителей на черных машинах с четырьмя неизвестными, не стесняющимися показать, что у них случайно затесался «Томми» на заднем сиденье, и ищущими «кого-то похожего на человека с фотографии».

Казалось бы, ничего удивительного, ведь в районе покупали дома разные темные личности: и «честные» политики с белоснежной улыбкой и табличкой «Продано», вколоченной в самую душу, и просто богатые придурки, которых могли искать бандиты. Однако даже в самом страшном районе Чикаго, около 25-й авеню, который без преувеличения называли «Чистилищем», так часто похоронно-поисковые отряды не появлялись. А причина этих «черных» рейдов была в слухах, принесших Оук Виндз не самую полезную, но все же популярность.

Как и у многих гнусных вещей, источники слухов отследить невозможно. Быть может, агент по недвижимости придумал историю, чтобы продать дом. А может, и застройщик пошутил. Возможно, строители или просто те, кто не может позволить себе жить здесь, придумали эту байку в отместку. Точно сказать невозможно.

Как любая непроверенная информация, слух постепенно обрастает новыми деталями и предысториями. Происходит важнейший этап на пути становления сплетни — находятся поверившие в нее. Эта легендаризация и сыграла злую шутку с Оук Виндз. Появился слух о том, что район был якобы построен правительством как место, куда отправляли жить важных свидетелей еще до создания программы защиты свидетелей. Отсюда и бандитские рейды, и нападения

на жильцов. Бандиты приезжали за кровью и возвращаться с пустыми руками им не хотелось. Поэтому под предлогом «этот похож» они нападали на целые семьи.

За пару месяцев погибли три человека и около двадцати были ранены, ограблены или избиты. Плохие продажи и отток жителей не радовали застройщика и тогда он стал привлекать других бандитов — чикагскую полицию. Строительная компания договорилась о смене маршрутов патрулирования таким образом, что около въезда в Оук Виндз каждые десять минут проезжала полицейская машина, а каждый коп мог открыть огонь на поражение при малейших подозрениях на наличие оружия. Патрули, курсировавшие около Оук Виндз, имели расширенный арсенал и дополнительное количество патронов. За полгода в перестрелках были убиты пятнадцать полицейских и сорок бандитов, а также пятьдесят человек получили ранения от полиции из-за необоснованных подозрений в наличии оружия.

Продажи это не повысило, а копы стали запрашивать гораздо больше, потому что никто не хотел работать около Оук Виндз. Тогда владелец строительной компании мистер Сэгит пошел на сделку с главами чикагских мафиозных семей. Он тайно передавал группировкам всю информацию о новых и существующих жильцах, включая фотографии, номера и описания автомобилей, на которых они ездили, при условии, что рейды закончатся и что ни один жилец, если вдруг он окажется тем, кто им нужен, не будет схвачен или убит на территории Оук Виндз. Сдавал ли мистер Сэгит всех своих жильцов мафии на самом деле, никто уже не подтвердит и не опровергнет.

Главной причиной прекращения перестрелок около Оук Виндз и гигантского роста продаж домов стало не то, что все получили свое, а то, что мистер Сэгит просто уничтожил легенду, снова превратив ее в слух, который грел душу недовольным жителям ветреного города.

Однако стоит помнить, что у слухов и легенд есть одно долгоиграющее последствие: подобно любой эпидемии, охватывающей всех окружающих, слухи также оставляют каждому человеку небольшой сувенир. И если после болезни это может быть затрудненное дыхание или фонтанирующий вулканический понос, то легенды, особенно с кровавыми подробностями, оставляют после себя крайне бездумный страх. Тело от него не дрожит, как при страхе смерти, но он постоянно всплывает в памяти. Как трупы в озере Мичиган, поднимает шум и захватывает мысли, контролируя тебя полностью и превращая на время в зомби, который совершает необдуманные поступки, будучи уверенным в их правильности. Ведь именно так работает памятный испуг от когда-то услышанного.

Когда люди помнят что-то пугающее и держат это в голове, они открывают бесконечную эстафету по передаче страха другим по принципу «поделиться опытом, чтобы не повторил моих ошибок». В большинстве случаев это очередной способ привлечь внимание, приподнять свой авторитет, что ой как любят делать люди постарше. Вопрос лишь в том, во что перерастет коллективный страх в ходе своей беспощадной колонизации. Если он передается из поколения в поколение и при этом страдают те, кто не боится, то страх превращается в правило. Если при этом кто-то умирает, то страх становится мерой предосторожности или техникой безопасности. А вот если страх и опасения продолжают передаваться без каких-либо причин — просто потому, что так когда-то было, — то этот процесс уже называется традицией. Традиции, выросшие из страхов, на удивление быстро объединяют людей. А стать частью особенной традиции, да еще и в закрытом сообществе — настоящая привилегия. Так и зародились традиции в Оук Виндз.

Сколько бы правил относительно ограничений на количество оружия у жильцов ни вводили, семьи, живущие здесь уже не первое

поколение, а особенно новые жильцы с большим энтузиазмом следовали местной традиции, заключающейся в двух фразах: «Жизнь в районе не игрушка, раз есть палец, есть и пушка» и «Если семью защищать ты готов, возьми столько пушек, сколь в доме голов».

Отсюда и возникали предупреждающие таблички с угрозами. Следуя старой традиции, здесь сначала стреляли, а потом спрашивали, чего ты хотел. Жители Оук Виндз не стеснялись и не отказывали себе ни в чем, потому что их дома были недоступны взору незнакомцев. Ведь если деньги любят тишину, то безумие обожает скрытность и размах.

Вернемся к тому самому дому с неприветливой табличкой около дорожки. Миновав табличку и повернув налево, надо было проехать по тому, что когда-то было подъездной дорожкой к дому. На самом деле это было небольшое возвышение над землей, состоящее наполовину из листьев, наполовину из грязи. Признаков асфальта дорожка не подавала уже много лет. При взгляде на эту стометровую полосу препятствий слово «давно» теряло всякий смысл. Там определенно подходило слово «никогда». В некоторых местах был виден этот слоеный пирог в разрезе: старые листья гнивали и прижимались новыми, а те, в свою очередь, также гнивали и становились подложкой уже для новой партии. Если со стороны все это гнилолистное зрелище вызывало вопросы, приправленные неодобрительным киванием, то у тех, кто шел или, боже упаси, ехал по этому месиву, в голове возникали только проклятья в сторону того, кто заставил их ехать по этому дерьму.

Подобно чикагским ветрам, эту дорожку нельзя было улучшить или хотя бы подобрать удобный момент, чтобы проехать. Как неприветливый хозяин, она всегда давала понять, что вас тут совсем не ждут, в лучшем случае — поджидают. Небольшое количество влаги моментально превращало поверхность дорожки в маленькое болото,

в котором был риск застрять навсегда. При этом следов ранее застревавших автомобилей, которые бы послужили ориентиром, не было.

И в сухую погоду листья разносило так, что они моментально покрывали машину полностью, даже без ветра и на маленькой скорости. Дворники не справлялись и с жалобным скрипом сдавались через пару секунд. Приходилось высовываться из окна и пытаться проехать побыстрее, потому что при снижении скорости сразу ощущалось, как машина уходит вниз. Только знающие и те, кого там ждали, не имели особых проблем с передвижением по этому адскому маршруту.

Конечно, всегда можно было попробовать пройтись пешком, но через пару шагов любая обувь если не промокала насквозь, то приходила в негодность из-за кучи острых веток под ногами.

Освещение на дорожке являлось оплотом стабильности — его никогда там не было. Создавалось впечатление, что такой тернисто-гнилолиственный путь ведет к чему-то таинственному, готическому, но с каким же треском рушилось это представление, когда перед глазами возникало то, к чему приходилось добираться.

Болотистая дорожка вела к огромным черным чугунным воротам шириной около пятнадцати и высотой около десяти метров. Они напоминали вставленные в землю копыта римских легионеров, но если убрать огромные пики на конце каждого прута, то это походило на черный матрас. Ворота переходили в бетонный забор высотой около семи метров. Он был покрыт мхом и невысыхающими из-за отсутствия солнца сырыми пятнами. Лишь раскраска из мха и воды, небольшие квадратные прорезы для циркуляции воздуха, а также отсутствие колючей проволоки отличали серое полотно от тюремных стен.

Забор уходил глубоко в лес, окружая строение непонятной формы — деревянный многоугольник без намека на правильность форм

и какую-либо концепцию. Части внешних стен состояли из разных пород дерева, а крыша была многоуровневая, но не по изначальной задумке, что бросалось в глаза: местами деревянная, местами черепичная, а где-то просто листы ржавеющего металла, накрытые целлофаном. Перепад высот можно было сравнить с перепадами настроения «архитектора». В некоторых комнатах даже хоббиты бились бы головой о стену, тогда как в других баскетболисты «Чикаго Буллз» могли бы спокойно прыгать через скакалку.

Жильцы в Оук Виндз не видели соседних домов, они вообще не знали, кто рядом с ними живет и живет ли. О смерти жителей или появлении новых можно было догадаться только по форме и цвету кортежей,двигающихся в направлении одного из домов. Для большинства обитателей района вид из окна на вековые дубы становился последним, что они видели перед смертью, поэтому Оук Виндз редко ассоциировался с созданием жизни — скорее, с ее завершением.

Так было и в случае с уродливым деревянным домом, которому не грозила перестройка. Все, чего он был достоин, — смирение и глубокий вздох.

Однако «автор» сего творения сделал великолепное крыльцо и поддерживал его в первозданном виде. Оно было выполнено в классическом американском стиле в нежно-голубых тонах с белыми перилами, которые, в отличие от остального дома, получали внимание и заботу от хозяина. Пол из красного дуба, отшлифованные доски, ухоженная лестница и два старых деревянных кресла с подушками и небрежно брошенными на них одеялами и мексиканскими пончо. Все это при взгляде с определенного ракурса создавало впечатление, что в доме живет милая пожилая пара, которая любит проводить время на крыльце, любуясь на лес и периодически — друг на друга.

Около дома стоял старый желтый «Бьюик» 1946 года выпуска. То, что автомобиль когда-то работал в такси, сразу бросалось в глаза.

Шашку просто оторвали с крыши, а отличительные полосы на дверях небрежно закрасили черным цветом, превратив машину в огромного шмеля. Да и разглядеть цвет машины было практически невозможно из-за толстого слоя грязи, покрывавшего кузов сверху донизу.

Сегодня рядом с «Бьюиком» стоял бежевый пикап «Форд», приехавший на колесах из грязи. Еще на пикапе было много грязных отпечатков ладоней и пальцев. Очевидно, маршрут передвижения по адской подъездной дорожке водитель выбрал неверно и попутчикам пришлось конкретно замарать руки, обувь, одежду и настроение, выталкивая машину через каждые десять метров.

В самом доме было мрачно из-за отсутствия света, который заслонял лес, да и у хозяина не было желания вкрутить дополнительные лампочки, а грязные занавески, потерявшие белизну еще двадцать лет назад, дополняли угрюмую обстановку.

Около входной двери в левом углу было небрежно раскидано оружие: три старые винтовки, около пяти кольтов и три револьвера, а также два полуразобранных пистолета-пулемета Томпсона. Вокруг оружия лежали патроны — какие-то были в коробках, остальные просто валялись и перекатывались по полу, когда кто-то проходил рядом.

Сегодня в доме было на редкость шумно. К Эрни, хозяину этого деревянного одиночества, приехала дочь с семьей, чтобы вместе посмотреть высадку астронавтов на Луну. У Эрни был дорогой телевизор, который его дочь Мелинда подарила ему в прошлом году, но хозяин его даже не включал. Не столько потому, что не знал как, а скорее, потому, что не понимал зачем.

В тот день Эрни оказался единственным вариантом, у кого можно было посмотреть лунную высадку. Во-первых, потому что отец был единственным, к кому Мелинда могла поехать без спроса и приглашения, а во-вторых, многочисленные друзья семьи больше не приглашали их из-за мужа Мелинды.

Ронни (или, как он просил, чтобы его называли, Железный Рон) при наличии рядом более двух человек любил опрокинуть пару банок пива залпом и рассказать присутствующим о своей боксерской карьере, которая так трагично оборвалась из-за травмы паховой области. В доказательство своего неугасающего таланта он непременно начинал разминаться, прыгать на месте и приглашать побоксировать любого, кто находился ближе всего. Он пытался найти спарринг-жертв и среди женщин, и среди мужчин. Исход всегда был один: драка, размашистые удары в воздух, укусы, разбитая мебель и вызов полиции, ведь что ты за звезда бокса без ночных сирен и наручников.

Каждый раз, не усвоив предыдущий урок, Ронни заводил одну и ту же шарманку: «Боже, как же я обожаю бокс», — после чего все начинали расходиться, убирать бьющиеся предметы и вызывать полицию.

У Ронни была избирательная амнезия. Он помнил всех, с кем «выходил на ковровый ринг», и как он «победил». При этом во вселенной Ронни, где он дома на кухне в шутку боксировал с сыном Джемом, по утрам случались провалы в памяти. Возвращаясь после ночи в участке, он говорил, что ничего не помнит и очень сожалеет, что у Джея сломан палец, а у Мелинды синяк под глазом. Ох уж эти «я не хотел» и «такого больше не повторится». Они вселяют и подпитывают в женщинах пустую, съедающую их изнутри надежду. И раз за разом они идут по «избитому» сценарию, ожидая иного исхода, который для них никто не припас.

Сегодня у Ронни, потного, грязного и злого, было одно задание: продержаться у старика пару часов и на обратном пути найти пиво, которое Мелинда выбросила, когда толкала пикап. Ронни боялся появляться у отца Мелинды, которого он называл просто «сэр». Эрн внушал ему первобытный страх, от которого сводило ноги и пропадал дар речи. При этом Мелинда как будто расцветала, когда находилась